

К вопросу об организации мест для богослужений на фронте в годы Первой мировой войны

Аннотация: Статья посвящена вопросу организации мест богослужения на фронтах Первой мировой войны. Прослеживается полемика относительно образцов походных престолов, необходимых списков вещей для организации богослужения в военном походе, рассматриваются возникшие в связи с этим трудности при изготовлении походных церквей. Освещается проблема снабжения священников в действующей армии походными церквями. Исследуется конфликт, возникший из-за использования зданий православных, униатских и католических церквей Галиции для организации богослужений, между протопресвитером военного и морского духовенства и архиепископом Волынским и Житомирским. В работе исследуются источники различного происхождения, в том числе прежде не вводившиеся в научный оборот. Новизна исследования заключается в самой постановке вопроса, поскольку практические проблемы богослужений на фронте во время Первой мировой войны исследователями не затрагиваются. Важный вопрос – отношение к предметам культа и местам богослужения как со стороны паствы и священников, так и со стороны католического населения Галиции, а также австрийцев и немцев. Приводятся сведения о деятельности комиссии по документированию фактов осквернения церквей и икон.

Ключевые слова: военное духовенство, епархиальное духовенство, протопресвитер, благотворительность, походная церковь, церковная палатка, походный престол, иконостас, богослужение, Первая мировая война.

Annotation: The article is dedicated to one of the most difficult aspects of the military clergy's practical duties on the front of the First World War – the organisation of a location for church service. It traces the debate regarding the model of mobile altars and the lists of necessary things for the organisation of service during military campaigns, examines the resulting difficulties in making field churches. Apart from this, the article sheds light on the problem of supplying priests with field churches in an active army at the expense of private donations, as well as from contribution of various committees, commissions and charitable organisations. The author also analyses the conflict that arose from the use of edifices of Orthodox, Uniate and Catholic churches in Galacia for the arrangement of church service, between the protopresbyter of military and maritime clergy archbishop Volynsky and Zhitomirsky. The article adduces information on the attitudes towards churches in Galacia from the Austrian side and on the establishment of a special commission for the documentation of defilement acts against churches and icons, and also the results of its work. Special attention is given to the relationship of clerics to church service outside designated premises and the independent initiatives of priests of erecting churches in the theatre of wartime activities.

Key words: military clergy, diocesan clergy, protopresbyter, charity, field church, church tent, mobile altar, iconostas, church service, First World War.

Первая мировая война для России началась не внезапно – ее ждали уже несколько месяцев. Газеты были полны намеков и слухов, а после инцидента в Сараево тема приближавшейся войны уже не сходила со страниц газет. Наконец была объявлена всеобщая мобилизация. С полками на фронт должны были отправиться и военные священники. Их накануне войны в штате о. протопресвитера военного и морского духовенства числилось 730 (и 150 диаконов). Было очевидно, что этого количества не хватит. Увеличение штата военных священников неизбеж-

но должно было произойти за счет епархиального духовенства.

Поскольку большая часть священников, отправлявшихся на фронт, не имела опыта военной и походной жизни, их деятельность регламентировалась специально составленной инструкцией. Первой обязанностью священников на войне согласно этой инструкции было «совершение торжественных молебнов перед началом боя и панихид об убитых – после боя» [25, 3]. Для этого предстояло организовать места для богослужения, и с этим возникли некоторые затруднения. Несколько проще справиться с этой за-

дачей было тем священникам, которые уже имели опыт Русско-японской войны. Их на момент начала Первой мировой войны по ведомству о. протопресвитера числилось около 150 человек. У них уже был опыт служения во время военных действий. И хотя обстоятельства Русско-японской войны существенно отличались от того, что ожидало священников на фронтах Первой мировой, они хотя бы имели представление о военном быте и о необходимой военной экипировке. В частности, у них имелись оставшиеся еще с прошлой войны походные церкви. Эти церкви – набор предметов, необходимых для организации богослужения в походных условиях, – представляли собой сундук в чехле, палатку и вышитый иконостас.

Идея такой церкви разрабатывалась в конце XIX в. Маленькие складные престолы, упаковывавшиеся в крышку сундука с церковными вещами, начали брать с собой в поход с 1896 г. священники 9-й пехотной дивизии [21, 4]. Престолы представляли собой 4 рамы и верхнюю доску в 1 кв. аршин [21, 3об.]. Специальным положением, принятым 11 марта 1899 г., предписывалось «походных церквей <...> не иметь, а возить лишь установленные для <...> войсковых частей церковные вещи и богословские книги и присвоить всем частям антиминсы и складные престолы» [21, 1].

Обсуждение вопроса, каким должен быть складной престол и как комплектовать ящик для церковных вещей исходя из практики военного похода, снова началось в марте 1904 г. Настоятель Преображенского всей гвардии собора протоиерей Владимир Краснопольский предложил складной престол из 8 частей, «соединенных также попарно железными петлями». При этом общая конструкция виделась следующим образом: «Каждая пара, раскрытая совершенно в одной плоскости, представляет сторону престола, стороны соединяются между собою в углах шипами и крючками. Является четырехугольник, на который и накладывается складная доска» [21, 4]. При этом о. Владимир считал неудобным помещение престола на крышке сундука «из уважения к святости Таинства, совершаемого на престоле» [21, 5].

Окончательный образец престола был утвержден в конце апреля 1904 г.: «Престол состоит из двух связанных между собою железными петлями рам, раскрывающихся в квадратную (17 ½ × 17 ½ верш.) доску с четырьмя по углам доски винтовыми железными гнездами для 4-х деревянных ножек, укрепленных в гнездах вделанными в ножки железными винтами и соединяемых с верхнею

доскою престола железными крючками; длина ножек (без доски) 20 ½ вершков» [21, 14об.]. Кроме престола в поход полагалось брать свыше 30 наименований различных предметов.

В 1908 и 1912 гг. духовное правление ставило вопрос о комплектации ящиков и изменении их размеров. В результате количество вещей заметно увеличилось, как и сами размеры ящика.

Еще во время Русско-японской войны великая княгиня Елизавета Федоровна предложила использовать для походных церквей вышитый иконостас. Он сэкономил место и легко монтировался. Изготавливались ящики и полностью комплектовались фабрикой И. А. Жевержеева. Конечно, у такой церкви были свои недостатки. Ящики, по мнению некоторых священников, были «прямо не пригодны для своей цели»: у них было «мелкое дно», к тому же открывались они «во всю ширину-длину». Из-за этого Св. Дары было «легко просыпать при каждом открывании». Единственным «преимуществом жевержеевских ящиков» считалось «то, что они в сумках» [4, 651].

Систематизируя опыт Русско-японской войны, Г. И. Шавельский в 1913 г. опубликовал брошюру «Служение священника на войне», а в 1914 г. инициировал первый Съезд представителей военного и морского духовенства от всех военных округов и от флотов. Съезд проходил 1–10 июля 1914 г. Интересно, что о. протопресвитер собирался первоначально назначить открытие Съезда «по окончании лагерного времени, то есть в августе» [31, 80]. Если бы это произошло, Съезд, скорее всего, вообще не состоялся бы. Между тем сам Г. И. Шавельский утверждал, что «при открытии Съезда и мысли ни у кого не было о возможности близкой войны» [31, 83].

В ходе работы Съезда из полковых священников и ктитора дивизионной церкви была сформирована комиссия под председательством благочинного 1-й пехотной дивизии, протоиерея Иоанна Протопопова для обсуждения вопросов практического служения в походных условиях. Была составлена опись церковных вещей и книг, необходимых в походное время, – всего 42 предмета весом 3 пуда 24 фунта и стоимостью 367 рублей 80 копеек. Список был не очень удачный: только сундук для упаковки вещей весил 24 фунта и стоил 5 рублей, а общий вес превышал три пуда. Определенные книги брать с собой в военный поход также представлялось нецелесообразным. Вместе с тем некоторые важные для проповедей книги и брошюры в список не включали. Например, не хватало брошюр и

листочков для проповедей. Как отмечал священник Александр Горбацевич, «листки» были «миссионерского содержания», в то время как требовались «другие, например, о дозволенности убийства на войне, за Веру, Царя и Отечество и т. п.» Также нужны были материалы, «разъясняющие причины нынешней войны и вообще подходящего к моменту патриотического и героического содержания» [4, 652].

Обсуждение затянулось. Сначала члены комиссии предлагали внести изменения в список вещей. Затем по распоряжению о. протопресвитера передали список на обсуждение благочинных гренадерских церквей в Москве, которые вполне согласились с мнением комиссии, но при этом заявили, что суждения по этому вопросу они не имели, так как со стороны военного начальства такого поручения им дано не было.

Пока список утверждался, умер И. А. Жевержеев, фабрика перешла к его сыну – Левкию. Меценат, коллекционер, один из организаторов музея театрального и музыкального искусства в Петербурге, он всецело отдавался любимому делу. Фабрика его интересовала значительно меньше. Тем не менее к началу войны казалось, что заготовленных фабрикой военно-походных церквей должно хватить для обеспечения нужд армии.

Объявления, регулярно помещавшиеся в «Вестнике военного духовенства», гласили, что «заготовлены в большом количестве по предложению духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства на случай экстренной надобности и немедленно высылаются военно-походные церкви для военных частей, отправляющихся в поход с полным комплектом церковно-богослужебных предметов» [1, 604].

В 1914 г. сундуки изготавливались «согласно параграфу 11 правил об укладке войсковых грузов издания 1908 г.»

Ранее И. А. Жевержеев неоднократно обращался в духовное правление и к о. протопресвитеру с запросами о том, какой образец следует использовать при изготовлении походных церквей, однако ответа не получил, поскольку новый образец, как уже указывалось, утвержден не был.

С 1915 г. походные церкви изготавливались «по табели», которая была утверждена 26 июля 1912 г. В 1915 г. монополия фабрики Жевержеева на изготовление походных церквей была нарушена – этим начала заниматься фабрика С. С. Мешкова, магазин которого находился в Москве на Никольской улице (в доме синодального ведомства). С 1916 г. реклама обеих фабрик помещалась ря-

дом на последних страницах «Вестника военного духовенства». Включилась в это дело и фабрика А. В. Голосова, прежде производившая парчу.

На протяжении Первой мировой из казны не выделялось никаких средств для устройства походных церквей в полевых госпиталях и частях, формировавшихся в то время. Как следует из писем А. Горбацевича, практически все – иконки, крестики, брошюры, книги и листки для раздачи солдатам, а также походную церковь и все необходимые предметы – священник покупал сам. «Между тем в магазине походные церкви стоили около 425 руб., и не каждый священник мог ее приобрести. В итоге священнослужители устраивали походные церкви сами, кто как мог» [8, 111]. Некоторые вещи, включенные в списки, заготовить было «положительно невозможно» [3, 651], особенно в спешке или не имея опыта. Поэтому военные священники не всегда были подготовлены соответствующим образом. Еще хуже дело обстояло с мобилизованными из епархий, а их было большинство. Они вообще собирались кто как мог.

Некоторое количество походных церквей отправляли на фронт благотворители. На сооружение церквей и покупку необходимых для богослужения предметов собирали деньги солдаты и офицеры полков. Например, в 1915 г. «чины» лейб-гвардии Финляндского полка пожертвовали на сооружение храма 1950 рублей облигациями 5,5-процентного военного займа и наличными 225 рублей, а староста П. В. Корзинин на освящение церкви – 570 рублей.

Жертвовали на устройство церквей новобранцы, и, кстати, довольно помногу – до ста рублей [3, 640]. Офицеры же собирали рублей по двести в среднем. Жертвовали на полковые храмы, церковную утварь и частные лица. Так, в походную церковь 62-го пехотного запасного полка поступили пожертвования от нижегородской купеческой вдовы А. М. Солиной – «облачения на престол и жертвенник, полное облачение для священника и диакона, воздухи, завеса к царским вратам, лампада серебряная, вызолоченная икона “Собор всех святых” в серебряной ризе, всего на сумму 1500 рублей» [2, 575]. Еще 50 рублей на украшение этой церкви пожертвовал ефрейтор означенного полка И. Болтинцев. В «Вестнике военного и морского духовенства» за 1916 г. сообщалось: «Для церкви пехотного Царскосельского полка ктитором церкви, прапорщиком П. И. Захаржевским сооружена церковь-палатка с необходимыми принадлежностями с затратой на это собственных средств 803

руб.» [3, 641]. Предводитель дворянства Царско-сельского уезда А. В. Ратьков-Рожнов снабдил церковь комплектом серебряных богослужебных сосудов размером на 500 человек, а гофмейстер высочайшего двора Я. В. Ратьков-Рожнов с супругой заказали на свои средства полковую икону. Кстати, такие случаи коллективной благотворительности на сооружение одной церкви упоминаются достаточно часто.

Складные палатки и иконостасы отправляли на фронт различные благотворительные организации. Одной из таких организаций была «Церковная лепта» – отделение, учрежденное при Марфо-Мариинской обители милосердия для «снабжения беднейших храмов империи церковными облачениями» [19, 296]. Для своих благотворительных целей в 1915 г. отделение получило право на церковный сбор пожертвованных за всенощной 7 и за литургией 8 сентября.

В апреле 1916 г. был организован Комитет по сооружению подвижных церквей в лазаретах, госпиталях г. Москвы и на фронте. К концу 1916 г. комитет смог отправить на фронт пятьдесят походных церквей, полностью или частично укомплектованных. Кроме того, существовала Комиссия по удовлетворению религиозно-нравственных нужд в лазаретах, госпиталях, в командах выздоравливающих и пр. Дела обоих учреждений подлежали ведению преосвященнейшего Дмитрия, епископа Можайского.

Кроме того, полковые церкви и необходимые для богослужения предметы жертвовали лично высочайшие особы. Так, великой княгиней Елизаветой Федоровной в 1915 г. для Брест-Литовского крепостного района были пожертвованы переносной храм с иконостасом, престол и жертвенник с облачениями [19, 290], в 1916 г. – в церкви 9-й артиллерийской бригады были переданы походный иконостас, исполненный масляными красками, полное облачение священника, воздухи, парчовая пелена на аналой, запрестольное евангелие, на престольный бронзовый крест, кадило, парча для облачений на престол и жертвенник, трехсвечник на престол и кропило, в церковь 8-го драгунского Астраханского полка – 300 рублей [15, 614]. В 1915 г. пожертвовала походную церковь 3-му гусарскому Елисаветградскому полку великая княжна Ольга Николаевна, августейший шеф полка [19, 290].

Помимо денег и богослужебных предметов нередко жертвовали иконы. Их было даже в избытке, причем некоторые были весьма ценными. Кроме полковой церкви «в каждой роте для обеспечения нужд военнослужащих оборудовались

образные комнаты» [22, 237], в которых эти иконы размещали. Всего «Вестником военного и морского духовенства» за 1914–1916 гг. упоминалось 24 случая особо крупных денежных пожертвований на сооружение и украшение полковых церквей. Причем частота жертвования оставалась приблизительно одинаковой на протяжении всего времени, а собиравшиеся средства намного превышали магазинную стоимость походной церкви.

Справиться с задачей организации мест для богослужений в 1914 г. удавалось лишь отчасти. В неразберихе первых дней войны как-то не обращалось внимания на то, что богослужения если и ведутся, то довольно часто под открытым небом или в местах, для этого вовсе не подходящих. Если в резерве еще удавалось что-нибудь приспособить, то на позиции священник и подобраться-то не всегда мог [7, 215–216], а достигнув позиций, не всегда имел возможность найти время для молебна среди боя. Многие священники вообще не проводили богослужения перед боем.

31 июля Г. И. Шавельский отправился на фронт в поезде великого князя Николая Николаевича [31, 90] и 2 августа прибыл в ставку, где сразу же озаботился устройством церкви. «С первого же дня <...> установились ежедневные, утром и вечером, церковные службы, – сообщал он впоследствии в воспоминаниях. – Сразу же организовался прекрасный хор. Пело на первых порах, правда, всего десять человек, но зато это были отборные певцы придворной капеллы и петроградских хоров: митрополичьего и Казанского собора. Церковь сразу завоевала симпатии чинов штаба. Великие князья неопустительно бывали на воскресных и праздничных литургиях, а иногда и на всенощных» [31, 122].

В начале сентября о. протопресвитер отправился на Северный фронт и в дальнейшем совершал инспекционные поездки почти непрерывно [31, 161]. Инспекции выявляли огромные проблемы. У некоторых полков не было собственных священников, изредка приезжали священники из другого полка. Священнослужители не могли урегулировать отношения с полковым начальством, и почти нигде не было достойных оборудованных церквей. Иногда для богослужений приспособляли какие-нибудь здания, даже разрушенные и покинутые католические церкви и кирхи, а также православные церкви в Галиции. Священник Василий Сукачев описывал богослужение в Галиции – в сельской православной церкви. Прежнего священника повесили австрийцы, и, когда русские заняли

населенный пункт, полковой батюшка отслужил молебен в пустовавшей православной церкви. Пришли на молебен и местные жители. «Церковь и вера быстро сблизила. <...> Наши воины уже не чуждые пришельцы для галичан» [28, 74].

Нередко для богослужений использовались униатские церкви. Пострадали они от австрийцев не меньше, чем православные. «Маленькая, бедная униатская церковь <...> холодно и сыро, окна выбиты, и ветер свободно гулял, играя пламенем свечей; иконы во многих местах прострелены, большая икона – Распятие Спасителя – очень пострадала, я заметил отверстия от пуль в терновом венце на главе, в груди и в ногах Спасителя; в алтаре на огромном престоле с дарохранильницы сбит пулей крест. <...> Недавно в селе этом был бой, австрийцы осквернили храм, обратив в свое жилище, и во время перестрелки храм пострадал» [32, 105]. Надо отметить, что в отличие от австрийцев русские в Галиции относились к инославным церквям бережно, не оскверняли их, не запрещали верующим из местного населения присутствовать на православных богослужениях в этих церквях [27, 166–167].

Об устройстве православных церквей на занятых территориях Галиции довольно подробно рассказывал в своих воспоминаниях митрополит Евлогий (Георгиевский). 14 мая 1914 г. он был поставлен архиепископом Волынским и Житомирским (до него кафедру занимал Антоний Храповицкий). Назначенный управлять церковными делами в оккупированных областях, он с осени 1914 г. руководил массовым обращением в Галиции униатских приходов в православие. Униатские церкви в некоторых местах передавались православным [12, 244]. «На службах бывали тучи солдат. Бесконечная вереница исповедников и причастников без числа. <...> Храм хоть отчасти удовлетворял религиозным нуждам солдат – до этого не было ни одного православного храма (кроме маленького генерал-губернаторского и походных церквей в лазаретах)» [12, 244].

Митрополит Евлогий написал письмо протопресвитеру Шавельскому. «Указание на эти непорядки он (Шавельский. – Л. Ж.) счел личной для себя обидой <...> спешно была организована военно-походная церковь в огромном военном манеже; он вмещал до 7 000 человек» [12, 244].

Между Евлогием и Шавельским сложились довольно натянутые отношения. Евлогий пытался ограничить полномочия Шавельского на занятых территориях [12, 240]. Шавельский, в свою очередь, находил действия Евлогия по-

спешными и раздражавшими местное население [31, 167–168]. Шавельский даже подал рапорт в Священный синод 17 февраля 1915 г. о том, что военные священники «просят указаний, как им поступать, когда оставшиеся без своих священников галицийские униаты обращаются к ним с просьбами о совершении треб и богослужения. Если отказывать униатам в их просьбах, то они пойдут к римско-католическим ксендзам, после чего навсегда будут потеряны для православия; если же требовать от них торжественного присоединения и торжественно присоединять их к Православной церкви, то в случае обратного занятия австрийцами галицийской территории воссоединенные будут обвинены в государственной измене и подвергнутся казни» [31, 174–175].

Тем не менее Шавельский выполнил распоряжения Священного синода, которые призывали епархиальных преосвященных и о. протопресвитера военного и морского духовенства «предложить более состоятельных из подведомственных им церквей и монастырей уделить, насколько это окажется возможным, церковные и богослужебные предметы, не имеющие археологической ценности, в пользу православных церквей в Галиции» [24, 104]. Собранные вещи и деньги полагалось отправлять в Галицко-русское общество в Петрограде (Французская набережная, д. 8) в распоряжение преосвященного Евлогия.

Вскоре обстановка на фронте изменилась, и началась эвакуация церковного имущества из Галиции [19]. Эвакуации подлежали иконы, колокола, метрические книги, хоругви и даже мелкая церковная утварь. Прибывшее в Москву церковное имущество поступало на Центральный склад эвакуированных вещей Западного края, откуда распределялось по кладовым монастырей и церквей и даже по складам московских городских скотобоен.

Таким образом, с весны 1915 г. пользоваться стационарными помещениями для организации богослужения становилось все труднее. В 1916 г. служить приходилось «и в помещении вокзала, и на открытом воздухе, и в палате госпиталя, и даже под крышей сарая» [5, 175]. Солдаты нередко принимали деятельное участие в сооружении временных церквей, приспособляя под них крытые землянки. Офицеры тоже позитивно относились к импровизированным местам богослужения [11, 360].

Платить за устройство походного храма, за материал и работу приходилось из собственного кармана, «экономических или артельных сумм».

Сооружение церкви требовало довольно длительного времени – до пятидесяти дней. В 1916 г. священник Хрисанф Григорович опубликовал в журнале «Вестник военного и морского духовенства» статью об опыте устройства походной церкви при госпитале, в которой подробно описывал, как за двадцать дней при затратах в пятьдесят пять рублей построить церковь и иконостас [5, 165].

Вопрос об организации места богослужения – далеко не праздный и не формальный. Война изменяла сознание ее участников. Чувство незащищенности и близости смерти многократно усиливало религиозность. Священники отмечали, что накануне боя солдаты обращались к ним значительно чаще, просили исповедовать и благословить. Страх заставлял искать утешения в Боге. Вместе с тем молитва под открытым небом, столь умирительно описывавшаяся священником Гр. Кормазиным [9, 829], вовсе не напоминала солдатам «первых христиан». Молебен под дождем еще более усугублял подавленность [26, 623]. Собственно, об этом говорил Х. Горбачевич, когда объяснял, что солдатам «более привычна» церковь с алтарем, даже если она устроена в палатке. Священник Д. Чирский пояснял, что обходиться без церкви ему удавалось только в летнее время – с наступлением холодов потребовалось найти какое-нибудь помещение. Собрав из добровольных пожертвований и из церковного дохода сумму в 700 рублей, он сам составил чертеж храма и отправился в Петроград, где на фабрике Генриха Иоганна Кебке была по его чертежам изготовлена церковь-палатка для полка [29, 272].

Экстатическое отношение к храму усиливалось по мере отступления из Галиции: повсюду были разрушенные, оскверненные церкви – и униатские, и католические, и православные. Поругание храмов, уничтожение икон воспринимались современниками как материализация античеловеческой сущности войны [26, 625; 30, 731].

29 января 1915 г. Государственная дума «признала необходимым, чтобы при Министерстве иностранных дел была учреждена Следственная комиссия для рассмотрения нарушений германцами, австрийцами и турками международного права, правил и обычаев войны» под председательством барона Нольде, а позже – под председательством сенатора Кривцова [13, 3]. Среди преступлений против международного права, расследуемых комиссией, были названы насилие и жестокость по отношению к мирному населению занятых областей, бесчеловечность в обращении с ранеными и больными воинами, попавшими в

плен, осквернение церквей [13, 206.]. Сведения об осквернении икон и святынь, выявленные комиссией, были опубликованы в 1916 г. [14]. Еще больше страшных подробностей печаталось в «Вестнике военного и морского духовенства».

Чаще всего церкви занимались под конюшни или под казармы [14, 3, № 33, 4, № 35]. И хотя с точки зрения Церкви это было осквернением храма, в обстановке войны на бытовом уровне это могло так не восприниматься. Однако имели место и случаи сознательного осквернения и поругания икон. Например, упоминались факты, когда иконы были исколоты штыками и саблями [14, 3, № 33], расстреляны и брошены в навоз [14, 3, № 34].

Особенно впечатляющий акт вандализма произошел в местечке Рачки близ Августова, где «исполняющий обязанности младшего дивизионного врача Николай Павлович Студенцов нашел среди двора, прилегающего к зданию бывшего русского лазарета пограничного полка, икону Христа Спасителя» [14, 5, № 36]. Так обходились с местами богослужения и православными святынями австрийцы.

Но в феврале 1917 г. так же цинично поступали с собственными храмами уже русские солдаты и офицеры [6, 7]. Причин тому множество. О них подробно говорится в статье А. А. Кострюкова [10]. В частности, автор отмечает ограничение в 1917 г. численности военного духовенства [10, 42–44] о. протопресвитером, отсутствие возможности вести внебогослужебные беседы с солдатами.

Проводить богослужения в 1917 г. становилось практически невозможно. Как отмечал священник Дмитрий Полянский 19 сентября 1917 г., на богослужении бывает очень мало людей, при этом приходят те, которые стремятся вызвать священника на какой-либо инцидент [10, 29]. Усталость от войны, влияние пропаганды, наконец, отречение государя внесли смятение в умы. Молитвенному настроению препятствовало также отсутствие узнаваемого храма. Оборудованные для богослужения стационарные помещения уже были отняты у священников и приспособлены под другие нужды либо разграблены и разрушены, и даже при желании прийти помолиться сделать это было негде.

Таким образом, значительная часть священников, оказавшихся на фронтах, не имели прежде опыта походной жизни и служения в условиях войны. Поэтому они плохо себе представляли трудности, с которыми им приходилось сталкиваться. Одной из таких сложностей стала подготовка места богослужения.

Проблему эту практически уже пытались решать в время Русско-японской войны. Именно в 1904 г. началось изготовление походных сундуков со всеми необходимыми церковными вещами, в том числе и со складными престолами. Тип престола, содержимое сундука пересматривались в 1908, 1912 и 1914 гг. Затянувшееся обсуждение в 1914 г. привело к тому, что необходимого количества сундуков по новейшим образцам к началу Первой мировой войны изготовлено не было. Массовое их производство, причем опять же по устаревшим образцам, началось в 1915–1916 гг., когда в дело включились фабрики С. С. Мешкова, А. В. Голосова, Г. И. Кебке и других. Однако изготавливавшиеся ими походные церкви были дороги, и священники, отправлявшиеся на фронт, в особенности епархиальные, не могли их купить.

Благотворительных организаций и обществ, снабжавших армию церковными палатками и необходимыми вещами, было не так уж много. В целом вклад благотворителей – как организаций, так и частных лиц и членов Импе-

раторской фамилии – оказался довольно скромным по сравнению с потребностями армии.

Большую инициативу в 1914–1915 гг. проявляли сами солдаты и офицеры. Они жертвовали средства на устройство церквей, строили временные помещения для богослужений, украшали их как могли. Некоторые священники, пытаясь решить эту проблему, изобретали и даже реализовывали собственные проекты престолов, иконостасов и походных церквей.

Вместе с тем во многих полках не было собственных священников, а приезжавшие из других полков торопились, подгоняемые усталостью, начальством и войной. На позициях часто служили под открытым небом – и в дождь, и в мороз, и под обстрелом. Здесь богослужения очень ждали, но именно здесь оно и утрачивало свой смысл: просто «в сарае на соломе» незнакомый священник скороговоркой, иногда совмещая обряды [7, 215], проводит некую церемонию, утешительное и одушевляющее значение которой оказывалось довольно призрачным.

Библиография:

1. Вестник военного и морского духовенства. 1916. № 13.
2. Вестник военного и морского духовенства. 1916. № 19.
3. Ведомость о пожертвованиях, поступивших в церкви военного и морского ведомств в 1915 году // Вестник военного и морского духовенства. 1916. № 21. С. 639–641.
4. Горбачевич А. Записки о походе // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 18. С. 650–653.
5. Григорович Х. Походная церковь и образцовый иконостас // Вестник военного и морского духовенства. 1916. № 6. С. 175.
6. Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917. (Воспоминания. Мемуары). Минск: Харвест, 2002. 464 с.
7. Ермолович В. Как мы встречали и проводили праздник Рождества // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 7–8. С. 215–216.
8. Капков К. Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М.: Информационный центр «Летопись», 2008. 752 с.
9. Кормазин Гр. Богослужение на походе // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 24. С. 829.
10. Кострюков А. А. О некоторых условиях служения военного духовенства в годы Первой мировой войны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия: История. История Русской православной церкви. 2005. Вып. 1. С. 24–44.
11. Маслов П. Церковь в лесу // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 11–12. С. 359–367.
12. Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни: Воспоминания. М.: Московский рабочий; ВПМД, 1994. 621 с.
13. Об образовании Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками 26 февраля – 9 декабря 1915 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. № 1276 (Фонд Совета министров). Оп. 11. Д. 110.
14. Осквернение икон и святынь. Потопление парохода «Анкаона». Насилия над мирными жителями [и другие материалы] / Высочайше учрежденная чрезвычайная следственная комиссия [для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками]. Санкт-Петербург, 1916. 20 с.
15. От духовного правления // Вестник военного и морского духовенства. 1916. № 20. С. 614.
16. От духовного правления // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 17.
17. От духовного правления // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 16.
18. От духовного правления // Вестник военного и морского духовенства. 1916. № 13. С. 604.
19. От духовного правления // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 10. С. 290.
20. Переписка Московской духовной консистории с Минской, Гродненской и Литовской консисториями за 1915–1917 годы // Центральный государственный архив Московской области. Ф. 66 (Фонд Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов). Оп. 18. Д. 223.
21. По вопросу о выработке образца складного походного престола 13 марта 1904 – 22 мая 1904 гг. // Российский государственный исторический архив. Ф. 806 (Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства). Оп. 4. Д. 4869.

22. Пчелинский А. В. Русская православная церковь и армия: опыт истории и современные проблемы взаимодействия // Православная церковь при новом патриархе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 223–260.
23. Распоряжения духовного правления // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 10. С. 296.
24. Распоряжения духовного правления // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 4. С. 104.
25. Руководственные указания духовенству действующей армии. Изд. II. М.: Электро-типография Б. К. Рабиновича, 1916. 56 с.
26. Руфимский П. По разоренным местам // Вестник военного и морского духовенства. 1916. № 20. С. 623–625.
27. Сергеевский Б. Н. Пережитое. 1914. Белград: Нова Штампарија, 1933. 190 с.
28. Сукачев В. В Галиции // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 3. С. 72–74.
29. Чирский Д. Походная церковь // Вестник военного и морского духовенства. 1916. № 9. С. 272.
30. Шавельский Гр. Подвиги германских войск // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 21. С. 730–733.
31. Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954. Т. 1. 414 с.
32. Яхонтов Н. Рождество на позициях // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 4. С. 104–107.

References (transliterated):

1. Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1916. № 13.
2. Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1916. № 19.
3. Vedomost' o pozhertvovaniyakh, postupivshikh v tserkvi voennogo i morskogo vedomstv v 1915 godu // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1916. № 21. S. 639–641.
4. Gorbatshevich A. Zapiski o pokhode // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1915. № 18. S. 650–653.
5. Grigorovich Kh. Pokhodnaya tserkov' i obraztsovyi ikonostas // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1916. № 6. S. 175.
6. Denikin A. I. Ocherki russkoi smuty: Krushenie vlasti i armii. Fevral'–sentyabr' 1917. (Vospominaniya. Memuary). Minsk: Kharvest, 2002. 464 s.
7. Ermolovich V. Kak my vstrechali i provodili prazdnik Rozhdestva // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1915. № 7–8. S. 215–216.
8. Kapkov K. G. Pamyatnaya kniga rossiiskogo voennogo i morskogo dukhovenstva XIX – nachala XX vekov. Spravochnye materialy. M.: Informatsionnyi tsentr «Letopis'», 2008. 752 с.
9. Kormazin Gr. Bogoslužhenie na pokhode // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1914. № 24. S. 829.
10. Kostryukov A. A. O nekotorykh usloviyakh sluzheniya voennogo dukhovenstva v gody Pervoi mirovoi voiny // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi. 2005. Vyp. 1. S. 24–44.
11. Maslov P. Tserkov' v lesu // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1915. № 11–12. S. 359–367.
12. Mitropolit Evlogii (Georgievskii). Put' moei zhizni: Vospominaniya. M.: Moskovskii rabochii; VPMD, 1994. 621 s.
13. Ob obrazovanii Chrezvychainoi sledstvennoi komissii dlya rassledovaniya narushenii zakonov i obychaev voiny avstro- vengerskimi i germanskimi voiskami 26 fevralya – 9 dekabrya 1915 g. // Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. № 1276 (Fond Soveta ministrov). Op. 11. D. 110.
14. Oskvernienie ikon i svyatyn'. Potoplenie parokhoda «Ankona». Nasiliya nad mirnymi zhitelyami [i drugie materialy] / Vysochaishe uchrezhdennaya chrezvychainaya sledstvennaya komissiya [dlya rassledovaniya narushenii zakonov i obychaev voiny avstro- vengerskimi i germanskimi voiskami]. Sankt-Peterburg, 1916. 20 s.
15. Ot dukhovnogo pravleniya // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1916. № 20. S. 614.
16. Ot dukhovnogo pravleniya // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1914. № 17.
17. Ot dukhovnogo pravleniya // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1914. № 16.
18. Ot dukhovnogo pravleniya // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1916. № 13. S. 604.
19. Ot dukhovnogo pravleniya // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1915. № 10. S. 290.
20. Perepiska Moskovskoi dukhovnoi konsistorii s Minskoi, Grodnenskoj i Litovskoi konsistoriyami za 1915–1917 gody // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskovskoi oblasti. F. 66 (Fond Moskovskogo Soveta rabochikh i krest'yanskikh deputatov). Op. 18. D. 223.
21. Po voprosu o vyrobotke obraztsa skladnogo pokhodnogo prestola 13 marta 1904 – 22 maya 1904 gg. // Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. 806 (Dukhovnoe pravlenie pri protopresvitere voennogo i morskogo dukhovenstva). Op. 4. D. 4869.
22. Pchelinskii A. V. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i armiya: opyt istorii i sovremennye problemy vzaimodeistviya // Pravoslavnaya tserkov' pri novom patriarkhe. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012. S. 223–260.
23. Rasporyazheniya dukhovnogo pravleniya // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1915. № 10. S. 296.
24. Rasporyazheniya dukhovnogo pravleniya // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1915. № 4. S. 104.
25. Rukovodstvennye ukazaniya dukhovenstvu deistvuyushchei armii. Izd. II. M.: Elektro-tipografiya B. K. Rabinovicha, 1916. 56 s.
26. Rufimskii P. Po razorennyim mestam // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1916. № 20. S. 623–625.
27. Sergeevskii B. N. Perezhitoe. 1914. Belgrad: Nova Shtamparija, 1933. 190 s.
28. Sukachev V. V Galitsii // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1915. № 3. S. 72–74.
29. Chirskii D. Pokhodnaya tserkov' // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1916. № 9. S. 272.
30. Shavel'skii Gr. Podvigi germanskikh voisk // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1914. № 21. S. 730–733.
31. Shavel'skii G. I. Vospominaniya poslednego protopresvitiera Russkoi armii i flota. N'yu-Iork: Izdate'l'stvo imeni Chekhova, 1954. T. 1. 414 s.
32. Yakhontov N. Rozhdestvo na pozitsiyakh // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1915. № 4. S. 104–107.